

Николай Лесков

Официальное буффонство

Николай Семёнович Лесков

Официальное буффонство

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4614315*

Аннотация

Статья написана по поводу публикации И. Н. (Новицкого) «Исключение Т. Г. Шевченко за его самовольную отлучку». Опубликованный документ датирован 1 марта 1847 года, между тем как Шевченко был арестован (по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе) только 5 апреля; это обстоятельство не только подтверждает рассказанные Лесковым причины постановления, но и вносит в нарисованную им картину еще один любопытный штрих: постановление, очевидно, было сделано задним числом.

Николай Семенович Лесков

Официальное буффонство

В мартовской книжке «Киевской старины» помещено следующее известие:

«Шевченко, перед своим арестом в 1846 году, состоял в качестве рисовальщика при киевской временной комиссии для разбора древних актов, получая в год 150 руб. жалованья. *После его ареста* состоялось такое постановление комиссии:

«1847 г., марта 1-го дня. Временная комиссия для разбора древних актов, имея в виду, что сотрудник комиссии Шевченко *без всякого согласия комиссии отлучился из Киева и по комиссии не занимается*, – определили: исключить его из числа сотрудников комиссии с прекращением производившегося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. в месяц».

Определение это подписали: «председатель К. Писарев, члены: В. Чеховский, М. Ставровский и А. Селин, Скрепил делопроизводитель Н. Иванишев».

Более к этому известию «Киевская старина» ничего не прибавляет, а между тем небезынтересно бы, кажется, узнать: кому именно пришло в голову сочинить такое определение, приравнявшее политический арест Шевченко неявке на службу по неизвестной причине, и чем это вызвалось?

Мне кажется, как будто я могу в этом кое-что пояснить.

История, по которой были арестованы в Киеве несколько лиц, и в числе их покойный Тарас Григорьевич Шевченко, была у всех на устах в 1849 году, когда я мальчиком приехал из Орла в Киев и поселился у дяди моего, профессора Алферьева. В доме дяди, поныне здравствующего, я встречался почти со всеми молодыми профессорами тогдашнего университетского кружка и, несмотря на мою едва начинающуюся юность, пользовался от некоторых из них благорасположением и даже доверием. В числе их были даровитый молодой ученый Пилянкевич, Якубовский и Иван Мартинович Вигура, которого в Киеве называли «Хвигура». Теперь ни одного из них уже нет на свете, но тогда они были еще молоды и не разделяли довольно общего безусловного поклонения бибиковскому «циническому деспотизму». Ни один из них не был сепаратистом, ни агитатором, но молодому чувству их претило то, что в характере Дмитрия Гавриловича было циничного и глумливого, а он это любил, и в киевском обществе это очень многим нравилось. Бибиковские насмешки и издевательства над людьми, обуздание которых не представляло никакого затруднения для твердой власти, передавались из уст в уста, и редко кто чувствовал, что это вовсе не нужно и не возвеличивает характера государственного человека, облеченного такими обширными полномочиями, какими пользовался Бибииков. Напротив, находились люди, которые из всех сил старались подражать Бибиикову и вторить сколько достанет остроумия. Это разводило мно-

го своего рода острословов или бонмотистов, между коими пользовались известностию по духовенству и по купечеству Виктор Ипатьевич Аскоченский, а в университетском кружке профессор Николай Дмитриевич Иванишев. Остроты Аскоченского, как вся его неуклюжая, семинарская природа, были грубы и «неистовы», – все они отличались резкостью и дерзостью, за которую этот киевский Ювенал расплачивался несчастиями всей своей жизни, полной трагикомических скачков от наглости к пресмыкательству. Но профессор Иванишев держал себя приличнее, острил помягче и потоньше, и притом он умел буффонничать. А как к буффонству имел склонность и сам Бибиков, то иванишевские выходки смешили и тешили этого государственного человека. Выходки самого Бибикова в буффонском роде бывали таковы, что многие из них даже нельзя изложить в печати: таков, например, случай с графиней М-й, имевшей привычку вмешивать в разговор польские слова. Иванишевские остроты бывали также не очень высокой пробы. Бибиков, по доносу исправника П – ионко, был недоволен на одного польского графа, который казался исправнику подозрительным, потому что любил толковать о политике. Бибиков захотел взять графа «на глаза» в Киев, но для ареста его никаких вин против графа не оказывалось. Тогда его пригласили в Киев, дабы «доставить ему удовольствие читать все газеты, какие получались в доме генерал-губернатора». Граф жил в Киеве не под арестом, а только «читал газеты». Положение его было

пресмешное, и это всех тешило.

Когда Шевченко был арестован по обвинению в политической неблагонадежности, то его, разумеется, следовало бы показать исключенным из службы *по распоряжению начальства*. Это было бы правильно, и Дм. Г. Бибиков, конечно, не имел никакого повода скрывать этого, а тем менее кого-то бояться. Но профессор Иванишев захотел сбуйфонничать в бибиковском роде и, как рассказывали, устроил следующую потеху. Будучи делопроизводителем комиссии, состоявшей при генерал-губернаторе, Иванишев доложил Бибикову, что «Шевченко стал ужасно манкировать занятиями, и не только не является на службу, но, по слухам, дошел до такой дерзости, что будто даже *уехал без спроса из города*».

Бибиков рассмеялся и спросил:

– Неужто он смел уехать, никому не сказавшись?!

– Да, ваше высокопревосходительство, не сказался, – отвечал серьезно Иванишев.

Тогда и Бибиков перешел к тону серьезному.

– Что же с ним за это следует сделать *по закону*? – спросил он Иванишева.

А тот, продолжая комедию, отвечал:

– *По закону* его за неявку к должности и за самовольную отлучку следует *исключить из службы*.

– Ну, так и поступить по закону, – отвечал серьезно Бибиков.

Иванишев в этом роде и составил оглашенное ныне «Ки-

евскую стариною» определение, которое подписали все члены комиссии, и между ними Ставровский, бездарно излагавший студентам историю, и Александр Иванович Селин, рассказывавший с кафедры анекдоты и стяжавший себе славу либерала, кажется, более по его свойству с покойным А. И. Герценом.

Такова, как мне помнится по рассказам, история смехотворного определения комиссии об исключении Шевченко со службы. Недостойное серьезных людей определение это было сделано солидными учеными Киевского старого, «благонадежного» университета не для чего иного, как ради генерал-губернаторской потехи...

Примечание

Печатается по тексту журнала «Исторический вестник», 1882, № 8, стр. 441–443.

Статья написана по поводу публикации И. Н. (Новицко-го) «Исключение Т. Г. Шевченко за его самовольную отлучку» – «Киевская старина», 1882, № 3, стр. 608–609. Опубликованный документ датирован 1 марта 1847 года, между тем как Шевченко был арестован (по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе) только 5 апреля; это обстоятельство не только подтверждает рассказанные Лесковым причины постановления, но и вносит в нарисованную им картину еще один любопытный штрих: постановление, очевидно, было сделано задним числом. Небезынтересно также еще одно постановление Комиссии, сделанное 20 августа 1847 года, то есть уже в то время, когда Шевченко находился в ссылке, в оренбургских степях; раздумывая над тем, что делать с жалованьем, не полученным Шевченко за два месяца, Комиссия «определила»: «Так как художник Шевченко уволен от звания сотрудника Комиссии и в настоящем году он не имел никаких по Комиссии занятий и не находился налицо, то выведенное в расход жалованье его за январь и февраль месяцы, всего двадцать пять рублей серебром, не выдавать ему, а записать в приход по книге, о чем и предписать казначею» («Киевская старина», 1894, № 2, стр. 244).

Пилянкевич, Николай Иванович (1819–1856) – адъюнкт-профессор Киевского университета по кафедре энциклопедии законовещения.

Вигура, Иван Мартынович (Мартинианович) (1819–1856) – адъюнкт Киевского университета по кафедре русских государственных законов. Как сообщает биограф Вигуры, между его слушателями «ходило предание о том, что по возвращении из-за границы (1847 г., – И. А.) он заговорил было о конституциях и парламентах, но за это будто бы ему сделали начальническое внушение, после которого он забыл о конституциях и парламентах и говорил только о департаментах, отделениях и столах, об орденах и мундирах» («Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета св. Владимира» (1834–1884). Киев, 1884, стр. 110).

Аскоченский, Виктор Ипатьевкч – см. т. 7, примечание к стр. 177.

Иванишев, Николай Дмитриевич (1811–1874) – профессор Киевского университета по кафедре законов государственного благоустройства. В 1843–1865 годах был ближайшим сотрудником Киевской археографической комиссии, в задачи которой входило разыскивание и издание исторических памятников, археологические раскопки и пр. В первые годы после своего образования Комиссия привлекала к себе внимание высокопоставленного начальства, вплоть до само-

го Бибикова.

...случай с графиней М-й... – Об этом случае позднее Лесков рассказал в неопубликованном очерке «Бибиковские каламбуры» (ЦГАЛИ); см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 99.

Ставровский, Алексей Иванович (1811–1882) – профессор всеобщей истории Киевского университета.

Селин, Александр Иванович (1816–1877) – профессор русской словесности Киевского университета. По отзывам современников, его лекции привлекали слушателей своим красноречием, весьма, впрочем, поверхностным. Легенда о «свойстве» с Герценом явилась, вероятно, следствием того, что Селин учился в Московском университете в середине 30-х годов и близко общался со многими лицами, хорошо знавшими Герцена.